

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : 2 изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора ; в 4 т. М. ; СПб., 1880–1882.
- Ивашко Л. А.* Заимствованные слова в печорских говорах // Уч. зап. Лен. гос. ун-та. № 343. Сер. филол. наук. 1958. Вып. 42. С. 84–103.
- КРОЧК — *Безносилова Л. М., Айбабина, Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000.
- КЭСКЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Сими́на — картотека пинежских говоров, переданная в дар ЛО Института языкознания (ныне ИЛИ РАН) Г. Я. Симиной.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М. ; Л. ; СПб., 1965–2010–. Т. 1–43–.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / под ред. Л. А. Ивашко : в 2 т. СПб., 2003–2005.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- Туркин А. И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1964–1973.
- Kalima J.* Suojänisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.

С. А. Мызников

Рукопись поступила в редакцию 25.01.2011 г.

***Васильева С. П.* Идеографический словарь топонимов Приенисейской Сибири / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. — Красноярск : ИПК КГПУ, 2008. — 180 с.**

Идеографический подход к топонимическому материалу достаточно частотен в топонимике — именно идеографическая классификация является одной из наиболее популярных презентаций массивов географических названий той или иной территории. Между тем идеографический словарь топонимии С. П. Васильевой — явление редкое, если не сказать уникальное. Он не может не привлечь внимания ономастологов и заслуживает рассмотрения и осмысления, тем более, что научная топонимическая лексикография в целом находится все еще в стадии становления.

Автор, по ее собственному заявлению, придерживается принципа классификации языкового материала, сформулированного Р. Халлигом и В. фон Вартбургом: «классифицироваться должны не слова определенного языка, а понятия, что обеспечивает универсальность системы» (с. 5).

Для топонимии понятийным содержанием принимается содержание топонимопроизводящей лексической единицы. Круг понятий ограничивается реальным материалом, в результате чего выстраивается регионально отмеченная понятийная система, образующими разделами которой оказываются «Человек», «Пространство», «Река» и «Природа» (с. 5–8). Уже этот отбор «рабочих» для топонимии региона понятийных

сфер, несмотря на кажущуюся нелогичность, демонстрирует продуктивность избранного представления материала в словаре, показательно обозначая предпочтения носителей языка в организации топонимической системы. Рассмотрение же иерархии понятий внутри очерченных сфер оказывается еще более интересным (ср., например, идеограмму «тактильное восприятие (воды)» в сфере «Река», идеограмму «чистый» в подразделе «Духовный мир» и т. п.) и определяет направления дальнейшего подробного изучения местных топонимов в когнитивном и этнокультурном аспектах.

Неоспоримым преимуществом словаря является тот факт, что предметом его рассмотрения становится весь топонимический фонд обширной территории (как макро-, так и микротопонимы), что позволяет проследить межклассовые топонимические связи (прежде всего отношения мотивационного и этимологического характера, а также топонимические микросистемы — автор выделяет, например, микросистему *Летняя* — *Северная* (с. 74), оговаривая пространственное значение топонима *Летнее*).

Идеографический принцип подачи обеспечивает многостороннее освещение материала: топонимы предстают перед читателем как функционирующие в связи с особенностями данной местности — историческими (см. раздел классификации «Память» (с. 53), где отражены топонимы, увековечивающие имя исторической личности или определенное важнейшее историческое событие); этнологическими (см., например, «Татарка, р., пр. р. Ен. (Тур.), *татары* — бытовое название енисейских кетов, качинцев и других, своего рода коллективное этнонимическое прозвище, которое реализовано в целом ряде... топонимов» (с. 36), «Юрацкая, р. на севере Красноярского края — по названию народности *юраки*, ненцы, самоеды» (с. 37)) и др.

Таким образом, словарь оказывается ценным источником сведений об истории формирования топонимии региона и картины мира ее создателей.

Отметим, однако, что лежащая в основе словаря структура идеографической классификации вызывает немало вопросов.

На наш взгляд, спорным является даже выделение базовых понятийных сфер, на которых строится идеографическая сетка. Помимо указанных ранее «Человек», «Пространство», «Река», «Природа», выделяется еще одна — «Перенос наименования». Если факт выделения отдельной макросферы «Река», которая сигнификативно, казалось бы, входит в группу «Природа», может быть оправдан особым положением этой макроидеограммы в топосистеме региона, то сфера «Перенос наименования» вообще не может быть признана идеографической — это ономазиологическая модель, созданные по ней топонимы могут находиться в различных понятийных сферах. Если обратиться к материалам словаря, то показательна в этом отношении статья *Дарданиллы*, где комментарий однозначно указывает на отнесенность топонима к подразделу 2.2.3 («Пространство» — «Локализация в пространстве» — «Дальний»), ср.: «Идея удаленности характеризуется номинациями путем переноса топонимов, обозначающих удаленность в макропространстве, ставших символами дальности» (с. 163).

Несколько аморфной по структуре выглядит сфера «Человек»: сюда вошли понятия антропоморфические, социальные, характеризующие человеческое познание, и соположенность, например, понятий «Мужчина» и «Время», а также «Свой — чужой», «Память», «Число и порядок» выглядит некорректной. Очевидно, стоило выделить в разные рубрики понятия о человеке как биологическом виде, социальном феномене и сделать особый подраздел «Познание».

Необоснованным, на наш взгляд, является разведение подвидов одного и того же рода деятельности — перцептивного («Восприятие», «Образное восприятие», «Оценка»). Отметим к тому же, что в группе «Река» есть еще один комплекс подгрупп, включающих перцептивные топонимы (см. с. 7).

Нарушения в логической структуре отдельных блоков классификации есть и в группе «Пространство». Так, локализация, на наш взгляд, является родовым параметром и должна вместить в себя такие подгруппы, как «Стороны горизонта», «Верх — Низ». Подгруппы «Размер» и «Форма» не являются выразителями собственно пространственных значений топонимов, их местоположение в классификации должно предполагать указание на непространственные свойства тех или иных объектов, и логичнее было бы такие понятия обозначить как категории познания. Что касается группы «Природа», то она, на наш взгляд, много теряет от отсутствия отражения в ней ландшафтных и рельефных номинаций. Часть из них представлена в других группах и подгруппах (например, в подгруппах «Русло», «Верх — Низ», «Нейтральные формы рельефа» и т. п.), однако нет обобщения значительной части географической картины, отраженной в топонимии.

Удивляет практическое отсутствие акцентологической информации о топонимах (ударение поставлено только в отдельных случаях — *Мешкú* (с. 61), *Плотинá* (с. 62), *Сусéчек* (с. 64), *Сбóрня* (с. 82), *Большая Хетá* (с. 86), *Большой óтмел* (с. 87) и некоторые другие.

Ряд замечаний связан с интерпретацией конкретных топонимов.

Ильинка (с. 15) — указывается возможность двойной мотивации, однако нет дублирования топонима в группе «Религиозные представления» и в группе «Память».

Пупковский (с. 26) — как утверждает автор словаря, название получено по с. Пупковское, однако в сфере «Перенос наименования», где рассматриваются метонимические модели номинации, этого топонима нет.

Кукла (с. 31) — топоним отнесен к группе «Женщина», что маловероятно, в свете наличия диалектного *кукла* 'моток ниток', что верно отмечает сам же составитель, дублируя топоним в группе «Быт и хозяйственная деятельность» (с. 60).

Тещин Язык (с. 32) — ошибочно отнесен в подгруппу «Тетя». Однако этот топоним представлен в словаре еще по меньшей мере один раз — в группе «Антропоморфная образность». На наш взгляд, дублирование данного топонима бессмысленно в силу его фразеологизированности и, как следствие, нечленимости. Данный топоним выражает одну идеограмму (а не две, полученные из суммы «Теща + язык») и основан на лингвокультурологеме — представлении о теще как о болтливой и сварливой женщине.

Панская (с. 37) — название ошибочно отнесено в подгруппу «Социальные отношения и род занятий», под *панами* понимаются поляки, о чем и говорит автор, тогда топоним следует отнести в подгруппу «Национальность».

Киселев Лог (с. 71) — сомнительным является отнесение данного топонима к подгруппе «Восприятие» («Кислый»). Скорее всего, топоним отантропонимического происхождения.

Более четкого вычленения семантики требуют *чистые* топонимы, и как следствие, необходимо более тщательное разделение их на две группы: с собственно семантикой чистоты объекта и понимание их как *чистых*, т. е. святых и божьих мест в оппозиции *чистый* — *нечистый*. Соответственно, часть топонимов, отнесенных к подгруппе «Ду-

ховный мир» (с. 40), на самом деле являются фактами номинации по свойствам географического объекта, в частности по прозрачности воды в водоеме.

Неясно, на каком основании топонимы, представляющие мотивационную модель *казенный* (*Казенный Мыс*), отнесены к группе «Свой — чужой»; никак не мотивировано понимание *дикого* и *глубокого* как чужого (с. 43). Скорее всего, с последними двумя типами номинаций связана пространственная идея удаленности, а вот фактов, указывающих на восприятие этих объектов как чужих, в словаре не приводится.

Непонятны критерии разделения отантропонимических топонимов на две группы: «Мужчина» (с. 9 и след.) и «Память» (с. 53–54) — фактически все они (кроме топонимов-посвящений) указывают на первопоселенца, человека, впервые осваивающего территорию. Что позволяет отнести д. *Михайловка* в первую группу, а д. *Михайлова* — во вторую?

Хотя список таких несогласий с авторской интерпретацией можно было бы и продолжить, указанные недочеты не представляются существенными для оценки этой во многом новаторской лексикографической работы.

К. А. Гейн

Рукопись поступила в редакцию 14.02.2011 г.

Дьякова В. И., Хитрова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями) / В. И. Дьякова, В. И. Хитрова. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2009. — 344 с.

«Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями)» — плод многолетней кропотливой работы его составителей — В. И. Дьяковой и В. И. Хитровой, результат сотрудничества ученых Воронежского государственного и Московского государственного педагогического университетов. Внушительный объем словаря (344 с.) свидетельствует как о богатстве лексики воронежских говоров, так и о серьезных усилиях, затраченных на сбор полевых материалов и обработку современных и древних письменных источников. Материал собирался авторами с 1958 г. и постоянно пополнялся в ходе ежегодных диалектологических экспедиций.

Представленная лексикографическая работа — это словарь полного типа: составители включили в корпус лексем всю зафиксированную географическую терминологию, употребляемую жителями Воронежской области. У словаря четыре источника: данные, являющиеся результатами полевых сборов Воронежской диалектологической экспедиции; лексемы, извлеченные из современных печатных источников (13 работ: описания Воронежского края и словари); факты, отраженные в рукописных (15) и печатных (38) памятниках письменности; топонимические материалы. Современные и исторические данные (кроме топонимов) поданы по возможности в сопровождении текстовых иллюстраций с обязательной атрибуцией. Сама идея объединения в одной лексикографической работе разнообразных типов данных (апеллятивных и топонимических, древних и современных) представляется очень продуктивной.